

Японские исследования. 2019. №1. С. 39–50.

Japanese Studies in Russia, 2019, 1, pp. 39–50.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев

А.Н. Мещеряков

Аннотация. В научной деятельности знаменитого этнолога Янагита Кунио (1875–1962) Окинава занимает особое место. Вошедшая в состав Японии только в 1872 г. Окинава воспринималась как малокультурная окраина империи. Несмотря на то, что в Японии строили «национальное государство» (nation state), жители Окинавы попадали в разряд «варваров», которым ещё только предстояло стать настоящими «цивилизованными» людьми. Японцы характеризовали Окинаву как «внешнюю землю» (*гайми*), считая, что сами они проживают на земле «внутренней» (*найми*). Янагита Кунио сыграл значительную роль в деле интеграции окинавцев в общепонскую жизнь. Побывав на Окинаве всего один раз (1921 г.) и тесно общаясь с уроженцем Окинавы Иха Фую (1876–1947), всю оставшуюся жизнь он придерживался мнения о том, что окинавцы являются прародителями японцев. Поначалу эта идея не пользовалась большой популярностью. Однако после окончания Второй мировой войны, когда Окинава оказалась под управлением американской военной администрации, в Японии развернулось широкое движение за возвращение Окинавы под японскую юрисдикцию. В это время Янагита уже стал признанным государством учёным и пользовался его поддержкой. Янагита реабилитировал понятие «островная страна» (*симагуни*) и придал ему положительный смысл. На фоне бурной дискуссии об этногенезе японцев последняя книга Янагита «Кайдзё-но мити» («Морской путь», 1961 г.), в которой обосновывалась его гипотеза об Окинаве как прародине японцев, получила широкую известность среди непрофессионалов (так, она удостоилась высокой оценки Оэ Кэндзабуро) прежде всего по политическим и эмоциональным мотивам, хотя научные основания этого труда всегда вызывали серьёзные возражения в академическом мире. Популярность книги снизилась уже после того, как Окинава была возвращена Японии. Тем не менее, её место в истории общественной и политической мысли Японии трудно переоценить.

Ключевые слова: Япония, Янагита Кунио, Окинава, Иха Фую, «Кайдзё-но мити».

Автор: Мещеряков Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Институт классического Востока и античности ВШЭ. E-mail: meshtorop@yahoo.com

Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese

A.N. Meshcheryakov

Abstract. Abstract. Okinawa occupies a special place in the scholarly activities of the famous ethnologist Yanagita Kunio (1875–1962). Incorporated into Japan only in 1872, Okinawa was perceived there as the uncultured outskirts of the empire. Despite the fact that Japan was building a “nation state”, the residents of Okinawa fell into the category of “barbarians” who were yet to become really “civilized” people.

The Japanese described Okinawa as “external land” (*gaichi*), believing that they themselves live on “internal land” (*naichi*). Yanagita Kunio played a very significant role in the integration of Okinawans into Japanese life. Having visited Okinawa only once (in 1921) and closely communicating with Iha Fuyu (1876–1947), an Okinawa native, for the rest of his life he was of the opinion that the Okinawans were the ancestors of the Japanese. At first, this idea was not very popular. However, after the end of World War II, when Okinawa came under the control of the American military administration, a widespread movement was launched in Japan to return Okinawa to Japanese jurisdiction. At this time, Yanagita became a scholar recognized by the state and enjoyed its support. Yanagita rehabilitated the concept of an “island country” (*shimaguni*) and gave it a positive meaning. Against the background of heated discussion about the ethnogenesis of the Japanese people, the last book by Yanagita, “Kaijo-no Michi” (“Sea Route”, 1961), which justified his hypothesis about Okinawa as the ancestral home of the Japanese, became widely known among non-professionals (for instance, it was highly praised by Oe Kenzaburo) primarily for political and emotional reasons, although the scientific basis of this work has always caused serious objections in the academic world. The popularity of the book declined after Okinawa was returned to Japan. Nevertheless, the role of this book in the history of social and political thought in Japan is hard to overestimate.

Keywords: Japan, Yanagita Kunio, Okinawa, Iha Fuyu, “Kaijo no Michi”.

Author: Meshcheryakov Alexandr N., Doctor of Sciences (History), Professor, Higher School of Economics. E-mail: meshtorop@yahoo.com

Окинава занимает совершенно особое место в истории Японии. Она вошла в состав Японии только в 1872 г., получив статус префектуры в 1879 г. Длительное время до этого она имела статус королевства и двойного данника – Китая и японского княжества Сацума. Неудивительно, что долгое время Окинава воспринималась обитателями «настоящей» Японии как нечто «чуждое». Несмотря на то, что со второй половины XIX века в Японии строили «национальное государство» (nation state), жители Окинавы долгое время попадали в разряд «варваров», которым ещё только предстоит стать настоящими «цивилизованными» людьми. На торгово-промышленной выставке 1903 г. в Осаке был построен этнологический павильон, в котором демонстрировали живых представителей народов, которые подлежали изучению со стороны учёных из метрополии. На выставке в Осаке экспонировались живые айны (7 душ), окинавцы (2), тайваньцы (5), малайцы (2), индийцы (7), по одному яванцу, турку и занзибарцу [Сая, 2015, с. 50–53]. Выставлять напоказ «варваров» – общепринятая практика того времени, которая имеет началом Парижскую всемирную выставку 1889 г., посвящённую столетию великой французской революции. Колониальные державы демонстрировали покорённых и деморализованных аборигенов, которым только предстояло вкусить плоды просвещения.

Всё, что относилось к Окинаве, попадало в тогдашней Японии в разряд «второсортных» предметов и явлений. Японцы характеризовали Окинаву как «внешнюю землю» (*gaijū*), считая, что сами они проживают на земле «внутренней» (*naijū*). Ставшее в послевоенное время фирменным знаком Японии карате имело окинавское происхождение, но «во внутренней земле» к карате относились с презрением, предпочитая в качестве национального символа борьбу дзюдо.

Знаменитый этнолог Янагита Кунио (1875–1962) отличался творческой плодовитостью, сформулировал многие идеи, которые были востребованы обществом и государством. Сыграл он и значительную роль в деле интеграции окинавцев в общепонскую жизнь, хотя

сам побывал на Окинаве всего один раз. Это случилось в 1921 г. В это время Янагита был сотрудником крупнейшей газеты «Асахи», которая и отправила его в командировку (краткую биографию Янагита см. [Мещеряков, 2017]).

Этногенез японцев был в то время достаточно модной темой. Учёные и публицисты искали родственников японцев прежде всего в Корее – с 1910 г. колонии Японии. Обнаружение общности корейцев и японцев позволяло лучше обосновать легитимность Великой японской империи, которая дала возможность прежде разъединённым родственным народам заново зажить вместе. Кроме этого рассматривались и многие другие версии.

Отличавшийся нетерпимостью (как интеллектуальной, так и бытовой) и оригинальностью мышления Янагита не соглашался с этими исследователями (о связи характера Янагита с его научной деятельностью см. [Мещеряков, 2018, Янагита Кунио: характер человека...]). Двухмесячная поездка на Окинаву заставила его искать родственников японцев именно там. В таком повороте мысли большая роль принадлежала первому среди окинавцев выпускнику филологического факультета Токийского университета Иха Фую (1876–1947). Он учился у жившего долгое время в Японии знаменитого английского японоведа Бэзила Чемберлена (1850–1935), много занимавшегося, в частности, окинавским языком. Он обнаружил в окинавском и японском языках множество родственных слов, считал, что в окинавском языке имеется пласт лексики, которая в японском языке исчезла, забылась. Это свидетельствовало о родстве японцев и окинавцев.

Иха был директором созданной по его проекту великолепной библиотеки в Нахе. Он придерживался мнения о кровном родстве японцев, окинавцев и корейцев, полагая, что поначалу все они жили на территории нынешней Японии, но затем часть населения уплыла на Окинаву и в Корею. Первое предположение было отчасти верным, второе – фантастическим. Иха находился в плену концепции, что Япония является для окружающих земель культурным центром, и присоединение Окинавы и Кореи к Японии рассматривал как «воссоединение» японского народа.

Янагита проникся идеей родства японцев и окинавцев, но, в отличие от Иха, посчитал, что не японцы являются предками окинавцев, а окинавцы были прародителями японцев. То есть Янагита развернул теорию с севера на юг – ему больше понравилась собственная мысль, что движение этноса происходило в другом направлении: не «окинавцы» отселились от «японцев», как считал Иха, а окинавцы в доисторические времена приплыли в Японию с юга и стали японцами. Янагита посчитал, что протояпонцы, воспользовавшись стремящимся к северу течением Куроисио, переправлялись от острова к острову, словно по камушкам, пока не добрались до основных островов Японского архипелага. «Когда выходишь в открытое море, сердце всё больше пленяет странствие» [Янагита, 1990, т. 3, с. 263]. Янагита был заядлым путешественником, и ему хотелось, чтобы его далёкие предки были такими же странниками. В XX веке все великие географические открытия были уже совершены. Но делать открытия исторические никто запретить не мог.

Янагита увидел в обитателях Окинавы протояпонцев, которые не были «испорчены» материковым (прежде всего, китайским) влиянием. Недаром своим идейным предшественником Янагита считал Мотоори Норинага, который положил жизнь на то, чтобы «очистить» исконную японскую культуру от иноземных инъекций. По мнению Янагита, те окинавцы, которые доплыли до основных островов нынешней Японии и «превратились» в японцев, под влиянием китайской и буддийской культуры в значительной степени утратили свою

«исконность», что воспринималось Янагита в отрицательном контексте. Первозданная природа и патриархальный быт окинавцев (стремительно исчезающие в собственно Японии) восхитили Янагита, подвигая на мысль о потерянном и позабытом рае. Орикути Синобу (1887–1953), младший коллега Янагита, со свойственным ему поэтическим настроением (помимо учёных занятий, Орикути серьёзно занимался и поэзией) аттестовал окинавцев «живыми людьми эпохи “Манъёсю”». Эта первая поэтическая антология на японском языке (VIII век) оценивалась тогда как незамутнённый образец «чисто японского» литературного стиля.

Ни «северная», ни «южная» теории не находили никаких доказательств ни в археологических данных (японская археология тогда находилась в зачаточном состоянии), ни в письменных источниках (в них о связях Окинавы с Японией не сообщается почти ничего), но это мало беспокоило Иха и Янагита. Оба они доверяли прежде всего интуиции, живому языку и фольклору, а не истории, которую считали изначально ангажированной дисциплиной, поскольку она пишется представителями политической элиты, а они игнорируют жизнь народа.

Анализируя японские и окинавские верования и предания, Янагита и Иха обнаруживали в них сходство. Их не заботило, что выявляемые ими параллели можно обнаружить не только между Окинавой и Японией, но и между многими другими фольклорными традициями. Их сходство далеко не всегда объясняется родством или заимствованиями, а исходной общностью человеческого мышления вообще. При таком подходе нет ничего удивительного в том, что местом расположения дворца морского бога Ватацуми, о котором повествуют мифы «Кодзики» и «Нихон сёки», стала у Янагита Окинава [Кодзики, 1994, т. 1, с. 90–96; Нихон сёки, 1997, т. 1, с. 163–166].

«Настоящие» японцы, как уже говорилось, относились тогда к окинавцам с большим предубеждением. Поскольку идея Янагита переворачивала представления о «центре» и «периферии», она не нашла широкого отклика. Однако Янагита был упорным и упрямым человеком и никогда не отказывался от идеи о том, что предками японцев являются именно окинавцы.

В 1921 г. Янагита получил предложение поработать в Лиге наций – в комитете по подмандатным территориям. Он его принял, ибо ему хотелось посмотреть Европу, где он никогда не бывал. Штаб-квартира Лиги находилась в Женеве. Пребывая в окружении непривычной и депрессивной для него природы, Янагита вспоминал про солнечную Окинаву и голубые моря. В Женеве жил пионер окинавоведения Бэзил Чемберлен, который мог бы разделить с Янагита его ностальгические воспоминания. Но Чемберлен был серьёзно болен, жил анахоретом и никого не принимал. Так что Янагита не удалось познакомиться с ним лично, но именно ему посвятил Янагита свою книгу «Заметки о землях в южных морях» (海南小記, 1925), в которой после возвращения из Европы (1923) он изложил свою идею о том, что жители Окинавы – это протояпонцы. Идея была основана на домыслах и не верифицируемых мнениях. Так, Янагита воочию убедился на Окинаве, что местные жители обожают свинину (кабанятину). Это всегда считалось следствием китайского влияния, но Янагита утверждал: раньше и мы, японцы, ели кабанятину, но теперь мы просто забыли про это, а на самом-то деле – это наше общеяпонское обыкновение. Пусть на Окинаве выращивают мало риса (пресной воды для орошения там недостаточно), и основным средством питания там является сладкий батат, но ведь и у окинавцев есть ритуалы,

связанные с рисосеянием, а рис – основа японской цивилизации и культуры. Янагита казался, что ритуалы меняются меньше, чем жизнь, а потому по ритуалам можно судить о том, какой жизнь была раньше.

Янагита не только писал про Окинаву сам. Он проявил изрядную расторопность и помог «выбить» грант у правительственной организации Гакусиин, которая занималась поощрением науки. На этот грант была издана книга окинавских фольклорных (ритуальных) песнопений «Оморо соси». Книгу подготовил к печати Иха Фую. Правда, тираж оказался ничтожным – всего 350 экземпляров.

Объявляя окинавцев японцами, Янагита лишал их статуса национального меньшинства, от которого подавляющее большинство окинавцев мечтало избавиться. Показателен случай с активистами достаточно влиятельного движения «Мингэй» («Народное искусство») во главе с его лидером Янаги Мунзёси (1889–1961), которые посетили Окинаву в 1939 г. Янаги увлёкся Окинавой и, не без влияния Янагита, устраивал выставки Окинавского народного искусства, снял два документальных фильма, посвящённых Окинаве. Эти фильмы получили одобрение Министерства просвещения и гриф «культурных фильмов» («бунка эйга», калька с немецко-нацистского Kulturfilm), их показывали по всей стране [Brandt, 2007, p. 218]. Янаги продолжал дело Янагита и достиг в продвижении «окинавского бренда» больших успехов.

Активисты «Мингэй» в 1939 г. были поражены следующим фактом: окинавский школьник, которого уличили в том, что он разговаривает с товарищами на окинавском языке, должен носить специальную «позорную» табличку. Он снимал её лишь тогда, когда уличал другого ученика в таком же «преступлении» (точно так же обстояло дело и в других регионах Японии, где были в ходу местные говоры). Визитёры пытались убедить окинавских интеллигентов сохранять свой язык, но встретили самый решительный отпор: местные интеллигалы настаивали на приоритетном значении языка японского, который давал возможность избавиться от статуса третируемого меньшинства и интегрироваться в общепонскую жизнь [Brandt, 2007, с. 175–176, 211–216].

Представляя свою окинавскую теорию, Янагита отказывался от своих прошлых воззрений на этногенез японцев. Эти идеи были сформулированы в 1910-х годах. Самая знаменитая ныне книга Янагита – «Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари», 1910) – представляла собой запись фольклора из горной деревни Тоно (префектура Иватэ) и являлась исходным материалом для его размышлений. Вникая в рассказы горцев о нечисти, в которую они верили (а равнинные жители относились к ней с изрядным скепсисом), Янагита придумал такую теорию. На территории Японского архипелага изначально жили аборигены, которые занимались охотой. Пришельцы («настоящие» японцы) обладали более высокой культурой (её основная черта – рисосеяние) и оттеснили охотников в горы. Эти горцы являются отдельным этносом. Часть его «спустилась с гор» и была ассимилирована. Тем не менее, некоторые аборигены остались жить в горах до нынешнего времени. Фольклорная «горная нечисть», которая вредит «настоящим», равнинным японцам – есть не что иное, как отражение злобных чувств насельников по отношению к пришельцам, которые покорили их.

«Горская теория» Янагита подвергалась серьёзной критике, во второй половине 20-х годов XX века он сам отказался от неё и стал считать японцев народом мононациональным. Пребывание на Окинаве подвигло его на мысль о мононациональности японцев, которые имеют прародиной Окинаву. Однако ко времени её формулирования в Японии всё большую

силу набирали сторонники «государственного синто» (Янагита был его решительным противником). Они считали, что прародителями японского народа являются синтоистские божества, а потому все другие теории этногенеза – «от лукавого». Поэтому к концу 1920-х годов из школьных учебников исчезают упоминания об археологическом прошлом Японии, в рамках которого и происходила дискуссия об этногенезе японцев.

Вторая мировая война явилась тяжёлым испытанием для всех японцев. Что касается Окинавы, то она оказалась единственным местом непосредственно в Японии, где произошло сражение между японской и американской армиями. При этом власти подозревали окинавцев в пособничестве врагу, и от рук японских солдат погибло несколько тысяч местных жителей.

Сражение за Окинаву вышло кровавым (японцы потеряли 188 тыс. человек, американцы – 12 500), американцы захватили Окинаву. Предвидя поражение, Янагита успел опубликовать в газете «Асахи» статью, в которой беспокоился за будущее порушенной окинавской культуры. Сам Янагита проживал в пригороде Токио, который подвергался жестоким бомбардировкам американской авиации. Беспокоясь о судьбе своих книг по Окинаве, Янагита передал их в публичную библиотеку Хибия – надеялся, что так они лучше сохранятся для будущих исследователей. Янагита был книжным человеком и верил в то, что книги способны помочь людям.

После жестокого военного поражения Японии многие прежние идеалы оказались утрачены, а сама Япония была оккупирована американскими войсками. Японцами овладел комплекс неполноценности: по своей тональности и акцентам самообличительные обвинения сильно напоминали инвективы, направленные против сёгуната Токугава в первые годы Мэйдзи, когда казалось, что японцы не могут предьявить миру ничего достойного внимания. И тогда, и теперь японцы считали себя маленькими и некрасивыми, глупыми, никчёмными и отсталыми. Переход от великодержавности к самоуничтожению был на удивление быстрым.

Термин «национальная психология» воспринимался какое-то время в отрицательном смысле. Японцы перестали находить хорошее в своей стране и народе, отдающие мазохизмом суждения сделались идейным мейнстримом. Словосочетание «особенности японского национального характера» воспринималось в отрицательном смысле. В списке бестселлеров 1951 г. на первом месте находилась книга журналиста Рю Синтаро «Взгляд на вещи» («Моно-но миката-ни цуйтэ»), в которой автор убеждал читателя: по сравнению с европейцем, в японце отсутствуют самостоятельность, независимость и рационализм, а потому воспитание этих качеств является первейшим условием для создания демократической Японии.

Тем не менее, в отличие от начала периода Мэйдзи, японская нация была уже сформирована, и японцы не могли не поставить перед собой вопрос: почему мы являемся японцами и как нам сохранить идентичность в условиях усиливающегося американского влияния? В частности, большой накал приобрело обсуждение проблемы об этногенезе японцев, когда никаких американцев, слава богу (вопрос: какому?), ещё не существовало. «Имперские» довоенные японцы привыкли считать, что они произошли от синтоистских божеств. Сейчас эта мыслительная схема оказалась порушенной, и всё, что было связано с государственным синтоизмом, подвергалось гонениям со стороны нового демократического режима. Идеологическую пустошь стали заполнять учёные мужи – они немедленно отреагировали на общественную потребность и стали один за другим выдвигать «рационалистические» теории происхождения японского народа. Книги и статьи с названиями, где фигурировали слова

«японцы» и «этногенез», появлялись одна за другой, пользовались устойчивым общественным спросом.

Наверное самой резонансной теорией такого рода стала теория «народа всадников» (*киба миндзоку*). Её авторство принадлежало этнологу Ока Масао (1898–1992), но в общественном сознании она связалась с именем археолога Эгами Намио (1906–2002), который занимался номадами Азии. Под «народом всадников» он понимал кочевых выходцев из северо-восточной Азии (прежде всего, тунгусов), которые переправились через море на Кюсю, продвинулись к северу и основали там первое японское государство Ямато. Исходный пункт рассуждений основывался на том, что на начальном этапе строительства японских курганных захоронений в них не обнаруживается такого погребального инвентаря, как кони, оружие, их изображений. Однако потом они появляются. Вывод: Японию завоевал народ-всадник. То, что появление воинских атрибутов может объясняться «нормальным» ходом образования государственности, который столь часто сопровождается насилием и появлением военных культов, Эгами в расчёт не принимал. Несмотря на возражения многих специалистов, эта теория широко освещалась в прессе. Её хвалили за то, что она отменяла довоенные предрассудки. Имелось в виду, что автор теории не побоялся записать в прародителей японцев «отсталых» тунгусов. Какое-то время теория пользовалась популярностью среди широких масс японцев. Видимо, не в последнюю очередь потому, что они испытывали чувство униженности: Япония была оккупирована американцами. Но ведь когда-то и мы, японцы, тоже были завоевателями и победителями. А это давало надежду на светлое будущее...

Словом, теория Эгами Намио ликвидировала «белое пятно» в картине мира, она была понятной и легко запоминалась, смягчала комплексы, т.е. служила лекарственным средством.

Помимо Эгами, другие учёные также выдвигали свои теории этногенеза. Они имели важнейшую общественную функцию – легитимизировали существование японского народа. В этом смысле совершенно не имеет значения, кто из учёных был прав. Эти теории создавали питательную среду, в которой происходило самоописание этноса. В активном процессе этого самоописания участвовало множество людей, они рассматривали японцев с самых разных ракурсов. Объединяющим началом служило то, что они видели в японцах расовое и культурное единство. Довоенные теоретики видели уникальность Японии и японцев, прежде всего, как политического образования: несменяемая императорская династия во главе преданных подданных, которые являются потомками синтоистских божеств. Именно эта концепция присутствовала в школьных учебниках – другим, более реалистичным теориям места не находилось. Особенности японского быта, пищевая культура, национальная психология и т.д., то есть всё то, что делает японцев японцами и без существования императора и божеств, было объективировано в гораздо меньшей степени.

Теорий выдвигалось много. Янагита решил внести свою лепту в эту достаточно бурную дискуссию и стал усиленно развивать свои довоенные идеи относительно Окинавы как прародины японцев. Здесь сказывались и личные мотивы: Ока Масао был младшим коллегой Янагита, с которым он напрочь рассорился. Ока открыто осуждал диктаторский характер Янагита и, в частности, заявлял: многочисленные сельские корреспонденты, снабжавшие Янагита первичными фольклорными материалами, оставались, по выражению Ока Масао, «безымянными солдатами», а вся слава доставалась «генералу» по имени Янагита Кунио, который беззастенчиво использовал чужие материалы без указания имён собирателей.

Статья, озаглавленная «Морской путь», была опубликована в 1952 г. В ней обосновывалось, что в древности окинавцы приплыли в Японию. Перевод знаменитой книги Тура Хейердала «Кон-Тики» вышел в Японии годом раньше. Не исключено, что эта книга послужила тем дополнительным раздражителем, который стимулировал мысль Янагита. Идея, что древние морские миграции внесли огромный вклад в формирование культуры и цивилизации, оказалась Янагита близка. Господствующие в Японии концепции, что культура приходит на остров непременно с материка, раздражали Янагита. Почему бы не попробовать другой путь, когда культура переплывает с острова на остров? Япония – это не материк, это острова, японцы должны больше думать об островных культурах, о чём с жаром говорил Янагита ещё до войны (он даже какое-то время издавал журнал «Остров» – «Сима»). После присоединения Кореи в 1910 г. пропаганда позиционировала Японию как «материковую империю». После войны Япония снова превратилась в «островную страну» («*симагуни*»), о чём с жаром твердил Янагита. Но если для подавляющего большинства японцев это была поначалу уничижительная характеристика, то для Янагита она обладала сугубо положительными смыслами: островное положение и длительная изолированность от материка позволили японцам создать и сохранить свою уникальную культуру. Понятие «островная страна» имело прямую связь и с идеей Янагита о мононациональности японцев. Довоенная пропаганда позиционировала Японию как многонациональную империю, Янагита же придерживался мнения о мононациональности японцев. После войны этот концепт фактически стал важнейшей составляющей государственной идеологии. Эта идея была близка и шовинистам, к ней охотно примкнули и «нормальные» патриоты: понятие «многонациональности» прочно увязывалось в их сознании с довоенной колониальной политикой державной Японии, им казалось, что нужно строить мононациональное государство на основе принципа самоопределения наций [Огума, 2002, с. 260–261]. В Японии много говорили тогда об этом принципе, что явно имело антиамериканский подтекст.

В дополнение к первой статье Янагита опубликовал ещё несколько текстов, посвящённых Окинаве. Со смешанными чувствами их прочли профессионалы, но широкая публика не обратила на эти произведения большого внимания. Однако они получили определённый отклик на самой Окинаве. Поскольку статьи Янагита публиковались в малотиражных специализированных журналах, из окинавского университета к нему обратились с сетованиями по поводу того, что эти тексты малодоступны широкому окинавскому читателю. И тогда Янагита решил собрать статьи в книгу, озаглавленную «Морской путь» [Янагита, 1972, с. 215–216]. Она увидела свет в 1961 г. и завоевала огромную популярность среди непрофессионалов.

Мысль Янагита отталкивалась от следующего факта: в глубокой древности раковины каури использовались в Китае в качестве денежного эквивалента. На Окинаве такие раковины имелись, и поэтому выходцы из южного Китая добрались до Окинавы и обосновались там. Они занесли туда культуру рисосеяния – основу японской культуры и цивилизации. Однако на самой Окинаве условия для возделывания риса неблагоприятны (там мало и земли, и пресной воды, часты опустошительные тайфуны), поэтому переселенцы в поисках лучших земель добрались и до Японского архипелага. Эти-то люди и были предками современных японцев. Профессионалы требовали от Янагита каких-нибудь археологических подтверждений его теории, но он с лёгкостью парировал упрёки: окинавская культура –

южная, там всё делают из травы или дерева, а потому нет ничего удивительного в том, что требуемые артефакты попросту не сохранились.

Окинавская тема имела не только научный, но и ясный политический подтекст, без которого она не прозвучала бы с такой силой. После окончания войны Окинава находилась под управлением США, там были размещены многочисленные американские военные базы, американские военнослужащие обладали правом экстерриториальности, японцам же для посещения Окинавы требовалось специальное разрешение. В начале 1950-х годов движение за возвращение Окинавы ещё не набрало должной мощи, но тенденция к его усилению была налицо. Янагита избегал прямых политических деклараций, но говоря о том, что окинавцы и японцы – из одного корня, о том, что архипелаг Рюкю был «изначально» заселен японцами, он фактически заявлял: японцы являются разделённым народом (как немцы и корейцы), и эта ситуация должна быть разрешена.

Янагита не просто писал про Окинаву, он использовал любую возможность для популяризации своих идей. После войны он стал очень известным и признанным государством человеком, был награждён Орденом культуры, а после смерти ему была пожалована старшая степень 3-го ранга в табели придворных рангов (самый высокий ранг, когда-либо полученный учёным-гуманитарием). Связи Янагита с императорским двором были настолько прочными, что он имел возможность донести до императора Хирохито (Сёва) своё мнение по тому или иному этнологическому вопросу. Когда он посчитал нужным продемонстрировать государю слайды, которые сделали на Окинаве его последователи в 1954 г., Янагита легко договорился о таком показе. Ему хотелось лишний раз подчеркнуть, что там, на Окинаве, живут японцы, подданные государя, которые трудятся в поте лица, но жизнь их трудна и бедна, а потому требует вмешательства [Янагита, 1972, с. 182–183].

В учёном мире окинавские идеи Янагита не пользовались популярностью. Относительно «Морского пути» социальный антрополог Накамура Тэцу писал, что «южная теория» Янагита не базируется на научных фактах. К этому времени серьёзные исследователи считали, что носители рисосеяния пришли на территорию Японии вовсе не с Окинавы, а с материка – с Корейского полуострова. Они были носителями «культуры *яёй*» (III в. до н.э. – III в. н.э.), умели производить металл и специфическую керамику. Археологами было подтверждено, что культура *яёй* не затронула Окинаву, поэтому невозможно говорить о том, что рисосеяние «приплыло» на Японский архипелаг оттуда. В связи с этим нельзя считать окинавцев прародителями японцев. Теория Янагита идёт вразрез с научными данными, «она является донаучным видением, навеянным наивным сердцем». Поэтому эта теория – «стихи, литература, личный миф». Схожую оценку дал и антрополог Исида Эйитиро (1903–1968): переводить эти эссе на другие языки так же трудно, как переводить стихи [Янагита, 2011, с. 352–353, 358–359].

Тем не менее, «Морской путь» произвёл большое впечатление на широкую публику. Знаменитый писатель Оэ Кэндзабуро (лауреат Нобелевской премии по литературе 1994 г.) в 1978 г. написал хвалебное послесловие к «Пути». Окинава занимала особое место в публицистике этого антиамерикански настроенного человека, который ранее написал и про ужасы Хиросимы, и про сражение за Окинаву. И хиросимцы, и окинавцы были представлены как жертвы военной бесчеловечности, и эти трагедии делали японцев и окинавцев участниками одной и той же истории, которая объединяла их. Однако многие окинавцы, помня про довоенную дискриминацию, испытывали сомнения по поводу своей

принадлежности к японцам. Эти сомнения передавались и детям: «Когда я попытался выяснить, что ближе [окинавским] школьникам – космополитизм или национализм, мнения разделились поровну. Но и те, и другие единодушно заявили: “Нет достоверных доказательств того, что мы японцы”» [Оэ, 1987, с. 132]. В такой ситуации рассуждения Янагита о том, что окинавцы и японцы – родственники, были крайне востребованы.

Не подлежит сомнению, что Янагита оказал значительное влияние на осознание японцами и окинавцами общих корней. Сам Янагита был настолько увлечён этой идеей, что незадолго до смерти передал своё книжное собрание (около 20 тыс. названий) университету Сэйдзё с единственным условием: в университете будут усиленно заниматься изучением Окинавы. Работы Янагита внесли свою лепту в становление мощного антиамериканского движения за возвращение Окинавы, которое закончилось успехом: в 1972 г. Окинава вернулась под управление японского правительства. Охватившая японцев радость по этому поводу нашла выражение, в частности, в том, что вторая всемирная выставка, проведённая в Японии (первая состоялась в Осаке в 1970 г.), проходила на Окинаве (1972). Она была посвящена морю. Всё, что было связано с Окинавой, получало особое внимание и статус. Так, окинавские ритуальные песнопения «Оморо соси» были изданы в престижной серии «Японской мысли» («Нихон сисо тайкэй», издательство «Иванами»), куда включались произведения мыслителей, которые внесли наибольший вклад в японскую интеллектуальную историю. С точки зрения науки такое повышенное внимание было абсурдным, но вненаучные обстоятельства оказались важнее. Стоит добавить, что аналогичные «Оморо соси» произведения собственно японской традиции в упомянутую серию включены не были.

Две знаменитых книги Янагита – «Рассказы из Тоно» и «Морской путь». В первой из них Янагита говорил о диких и необузданных аборигенах – горцах северо-восточной части Японии (автор посчитал их насельниками Японского архипелага), во второй – о приплывших с Окинавы носителях рисоводческой культуры. В учёном мире обе теории признаны неверными (от первой автор отказался и сам), но это никак не сказалось на популярности Янагита среди широкой аудитории. Он писал так, как велит ему сердце, а сердце право всегда. Стандартный научный подход призывает исследователя отказаться от ассоциации с объектом изучения, дистанцироваться от него. Однако сам Янагита неизменно подчёркивал, что этнолог должен проникнуться сочувствием к своему объекту – народу. Народ ответил Янагита такой же эмпатией.

Пик популярности «Морского пути» пришёлся на 1960-е – 1970-е годы, когда проблема принадлежности Окинавы сохраняла свою остроту и актуальность: в 1960-е годы японцы боролись за возвращение Окинавы, в 1970-е – радовались ему. После спада эйфории популярность книги пошла на убыль (хотя и сегодня она переиздается достаточно часто). Тем не менее следует помнить: несмотря на то, что эта книга лишена научных оснований, её роль в истории общественной и политической мысли трудно переоценить.

С идеями Янагита можно соглашаться или нет, но не вызывает сомнения, что он по своей натуре был настоящим учёным – прежде всего потому, что никогда не утрачивал любопытства по отношению к неизведанному. Рассуждая в конце жизни о проблеме этногенеза японцев, он трезво отмечал, что в этой области остается ещё много неизведанного. А это означает, что впереди много «радости» – радости открытий [Янагита, 2016, с. 367]. Одновременно он сожалел о краткости жизни, за которую не успел прочесть все достойные книги, покорить все горы Японии. Такое жизнелюбие и любопытство даются не каждому.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кодзики. Записи о деяниях древности. Свиток 1 / пер. Е.М. Пинус. СПб, «Шар», 1994.
- Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио: долгий путь к признанию // Ежегодник «Япония 2017». М.: АИРО-XXI, 2017.
- Мещеряков А.Н. Янагита Кунио: характер человека и характер его науки. – История и культура Японии 11. *Orientalia et Classica*. Труды Института классического Востока и античности. Выпуск I (LXXII) / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». СПб.: «Гиперион», 2018.
- Мещеряков А.Н. Янагита Кунио и его этнология в картине мира послевоенной Японии // Вопросы философии. 2018. № 3.
- Нихон сёки. Анналы Японии / пер. Л.М. Ермаковой. СПб.: 1997. Т. 1.
- Огума Эйджи. Минсю то айкоку. Сэнго нихон-но национаридзуму то кокёсэй : [Народ и патриотизм. Послевоенный японский национализм и его общественное звучание]. Токио: «Синъёся», 2002.
- Оэ Кэндзабуро. Обращаюсь к современникам. М.: «Прогресс», 1987.
- Сая Макито. Миндзокугаку, Тайван, кокусай рэммэй. Янагита Кунио то Нитобэ Инадзо. Токио: «Коданся», 2015.
- Янагита Кунио дзэнсю : [Полное собрание сочинений Янагиты Кунио]. Токио: «Тикума сёбо», 1990.
- Янагита Кунио кайсо : [Воспоминания о Янагита Кунио]. Токио: «Тикума сёбо», 1972.
- Янагита Кунио. Кайдзё-но мити : [Морские пути]. Токио: «Иванами», 2011.
- Янагита Кунио. Кокё ситидзю нэн : [70 лет малой родине]. Токио: «Коданся», 2016.
- Brandt Kim. Kingdom of Beauty. Mingei and Politics of Folk Art in Imperial Japan. Duke University Press. Durham and London, 2007.

REFERENCES

- Brandt, Kim (2007). Kingdom of Beauty. Mingei and Politics of Folk Art in Imperial Japan. Durham and London: Duke University Press.
- Kodziki. Zapisi o deyaniyakh drevnosti. Svitok 1. Perevod E.M. Pinus (1994) [Kojiki. Records of Ancient Matters. Vol. 1. Translated by E.M. Pinus], Saint Petersburg: Shar. (In Russian).
- Makito, Saya. (2015). Minzokugaku, Taiwan, Kokusai Remmei. Yanagita Kunio to Nitobe Inazo [Ethnology, Taiwan, League of Nations. Yanagita Kunio and Nitobe Inazo], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).
- Meshcheryakov, A.N. (2017). Etnolog Yanagita Kunio: dolgij put' k priznaniyu [Ethnologist Yanagita Kunio: long road to recognition], *Yezhegodnik Yaponiya [Yearbook Japan]*. (In Russian).
- Meshcheryakov, A.N. (2018). Yanagita Kunio: kharakter cheloveka i kharakter ego nauki [Yanagita Kunio: his character and character of his science], *Istoriya i kul'tura Yaponii 11, Orientalia et Classica, Trudy Instituta klassicheskogo Vostoka i antichnosti, Vypusk I ILXXII*. Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», Saint Petersburg: «Giperion». (In Russian).

Meshcheryakov, A.N. (2018a). Yanagita Kunio i ego etnologiya v kartine mira poslevoennoy Yaponii [Yanagita Kunio and His Ethnology in World Picture of Post War Japan], *Voprosy filosofii*, 2018, 3. (In Russian).

Nihon Shoki. Annaly Yaponii. Perevod L.M.Ermakovoj [Annals of Japan. Translated by L. Ermakova], Vol. 1, Saint Petersburg: 1997. (In Russian).

Oguma, Eiji. (2002). Minshu to aikoku. Sengo nihon-no nashionarizumu to kokyosei [The people and patriotism. Postwar Japanese nationalism and its public effect], Tokyo: Shin'yosha. (In Japanese).

Oe, Kenzaburo. (1987). Obrashchayus' k sovremennikam [Appealing to Contemporaries], Moscow: Progress. (In Russian).

Yanagita Kunio Kaiso (1972) [Recollections of Yanagita Kunio], Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Yanagita Kunio Zenshu (1990) [Complete Works of Yanagita Kunio], Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Yanagita, Kunio. (2011). Kaijo no Michi [Sea Route], Tokyo: Iwanami. (In Japanese).

Yanagita, Kunio. (2016). Kokyo sichiju nen [70 years of birthplace], Tokyo: Kodansha. (In Japanese).

Поступила в редакцию 27.10.2018

Received 27 October 2018

Для цитирования: Мещеряков А.Н. Этнолог Янагита Кунио об окинавском происхождении японцев // Японские исследования. 2019. №1. С. 39–50. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003

For citation: Meshcheryakov A.N. (2019). Etnolog Yanagita Kunio ob okinavskom proiskhozhdenii yaponitsev [Ethnologist Yanagita Kunio on the Okinawan origin of the Japanese], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2019, 1: 39–50. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10003